

Журнальные замѣтки.

Жизнь, январь. — Мирь Божій, Всплнкъ Европы, февраль.

Въ январской книжкѣ журнала *Жизнь* г. Ю. Адамовичъ обрушился въ „письмѣ въ редакцію“ на г. Струве за его недавній „призывъ къ Фихте“, за поворотъ къ тому самому „субъективному идеализму“, противъ котораго онъ когда то возставалъ.

Интересъ представляютъ въ письмѣ не филиппики противъ г. Струве (онъ самъ за себя можетъ постоять), а нѣсколько замѣчаний въ началѣ статьи. Они вполне правильно указываютъ на затруднительное положеніе читателей средней руки, профановъ, въ виду узко-спеціальной полемики, заполнявшей два-три послѣднихъ года страницы толстыхъ журналовъ.

Моментъ, переживаемый теперь Россією, авторъ письма характеризуетъ, какъ моментъ пересозданія всѣхъ теоретическихъ взглядовъ. „Das alte stürzt; новыя вѣнія проникаютъ во всѣ скважины осѣвшаго зданія; старыя понятія, старая мораль не удовлетворяютъ новыхъ запросовъ. Безсознательная, стихійная ломка, происходящая незамѣтно для глаза въ глубинахъ общества, отражается на его поверхности—въ литературѣ и общественной жизни—расколомъ старыхъ, установившихся взглядовъ на жизнь, появленіемъ новыхъ слосевъ; столкновеніемъ между двумя поколѣніями, оживленной полемикой,—вообще тѣмъ сильнымъ броженіемъ, къ которому вотъ уже десять лѣтъ присматриваемся и прислушиваемся мы, профаны, разсѣянные по лицу земли родной. Интересъ профана къ означенному броженію великъ. Хотя профанъ только профанъ, но для него выводы науки имѣютъ громадное, еще большее значеніе, чѣмъ для жрецовъ ея. Жрецъ упивается часто однимъ процессомъ мышленія и изслѣдованія, для него возраженіе г-ну N, отвѣтъ г-ну X, или „Еще

по поводу отношенія $\frac{M}{c+v}$ —все это дѣло, и важное дѣло, за которое житье стоитъ положить, а для профана—извѣстно профанъ—это китайская грамота, къ которой онъ, правда, по наивности, относится съ величайшимъ почтеніемъ, изъ почтенія къ жрецамъ, но которая не въ состояніи удовлетворить его. Для него весь вопросъ о „выводахъ“ не абстрактный, головной вопросъ, а самый жизненный, самый насущный, скажу даже—извините за ненаучность выраженія—душевный вопросъ“.

„Къ сожалѣнію, въ теченіе двухъ лѣтъ

наше тоскливое ожиданіе принуждено было выдержать большую пытку. Каждый № журнала приносилъ новую китайскую грамоту,—иногда по нѣскольку сразу,—а мы все ждали и ждали. Тамъ, на верхахъ, рѣшались самыя сложные вопросы: упразднялись, сокращались, отмѣнялись цѣлыя теоріи, дополнялись „пробѣлы“ въ твореніяхъ учителей, исправлялись „колоссальныя ошибки“, разоблачались „основныя антиноміи“ и т. д., и т. д., а намъ, профанамъ, приходилось только переглядываться въ недоумѣніи и вздыхать—должно быть, все это важно и нужно, — это мы только профаны!“

Для широкаго круга читателей всегда имѣли и будутъ имѣть большее значеніе не эти чисто теоретическія настроенія, за которыми, какъ за лѣсами, сплошь и рядомъ не видно зданія-жизни. Много напр., писалось и говорилось послѣдніе годы о самосознаніи, возникающемъ въ низшихъ классахъ, въ частности въ рабочемъ населеніи крупныхъ центровъ. Горы бумаги у насъ исписаны о рабочемъ вопросѣ, но нельзя сказать, напр., чтобы этотъ живой и вполне понятный интересъ къ социальному вопросу и его проявленіямъ нашелъ себѣ достаточно яркое и полное отраженіе въ нашей литературѣ. Мы очень много говоримъ и даже споримъ о положеніи рабочихъ и т. п., но реальное знакомство съ ихъ бытомъ, пониманіе ихъ дѣйствительныхъ настроеній и взглядовъ—еще весьма недостаточно, и въ изображеніяхъ нашего городского пролетаріата, какія изрѣдка попадаются въ журналахъ, чаще всего можно встрѣтить, что угодно, и самое передовое мировоззрѣніе, и наилучшія пожеланія, кромѣ простой жизненной правды.

Наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ, безъ сомнѣнія, большая повѣсть г. Горькаго, „Трое“, которая съ ноября мѣсяца печатается въ *Жизни*. До сихъ поръ авторъ, такъ хорошо знакомый читателямъ *Визж. Листка*, давалъ намъ законченныя картины быта босяковъ, которыя и обратили на себя общее вниманіе русскихъ читателей. Но босяки г. Горькаго до сихъ поръ являлись предъ нами большею частью уже вполне готовыми сформировавшимися людьми. Тотъ процессъ, которымъ формируются неудачники, протестанты посредствомъ босячества, почти не изображался. Этотъ пробѣлъ, можетъ быть, теперь пополняется. Повѣсть „Трое“ даетъ намъ послѣдовательныя картины, начиная съ дѣтства, изъ жизни нѣсколькихъ представителей городского мѣщанства и пролетаріата. Трудно, конечно, сказать какъ кончится эта захваты-

вающая быль—говорит: быль; такъ ре-
ально, ощутительно безошадная правда по-
вѣсти. Но по всему видно, что для новыхъ
героевъ г. Горькаго трудно ожидать раз-
вѣвн благополучной.

Слѣдя за жизнью этихъ мальчиковъ и
юношей и дѣвочки, которыхъ давить нище-
та и убожество, вы чувствуете, какъ нара-
стаетъ въ нихъ и горькое чувство обиды за
жалкую жизнь, и какъ ежедневное холодное
попираніе чувства справедливости рождаетъ
въ нихъ наливъ холодной злобы, которая
имъ душитъ горло и туманитъ разсудокъ...
Жизнь толкаетъ ихъ къ водѣ, къ преступ-
ленію, можетъ быть, только случайно, мимо-
летно мелькаетъ въ ихъ существованіи нѣ-
что похожее на проблескъ счастья и пробуж-
денія сознательной жизни, но сплошныя
будни топятъ въ себѣ все свѣтлое, и горечь
неудовлетвореннаго чувства, даже чувства
любви, которую пролетарію приходится ино-
гда дѣлиться, подливаетъ новый ядъ въ его
настроеніе.

Краска во всемъ этомъ, можетъ быть, и
сгущены. Домъ, гдѣ ютятся герои г. Горь-
каго, обычное жилье городской бѣдности,
вырастаетъ до размѣра грандіознаго символа,
какъ скопища всяческой грязи и убожества.
Но пока повѣсть у васъ передъ глазами
нельзя отдѣлаться отъ жуткаго чувства
ужаса предъ тѣмъ, сколько мрака можетъ
скопиться рядомъ насъ съ вами, читатель,
и какъ рѣдко хоть что нибудь прорѣзываетъ
и освѣщаетъ этотъ мракъ. Изъ бездн этого
мрака и выходятъ босяки г. Горькаго, оз-
лобленные и несчастные, тѣмъ не менѣе ра-
достные порою, радостные потому, что ушли
отъ потемокъ существованія въ качествѣ обы-
кновенныхъ задавленныхъ нуждою людей въ
нѣкоторый, хоть и призрачный, но свободный
по своему міръ. Что лучше—свобода босяка
или нужда городского пролетарія—это одинъ
изъ тѣхъ вопросовъ, на который, конечно,
приходится отвѣчать: оба хуже.

Изъ другихъ оригинальныхъ произведеній
въ январской книжкѣ *Жизни* намъ попра-
вился очеркъ г. А. Серафимовича „На ли-
манѣ“. Онъ переноситъ читателя въ своеоб-
разную жизнь на рыболовной рѣкѣ, гдѣ на-
селеніе ведетъ съ рѣчною полиціею ожесто-
ченную вооруженную войну за свое право
ловить рыбу такъ же невозбранно, какъ
мѣстами мужики считаютъ своимъ правомъ
рубить лѣсъ и т. п.: лѣсъ, рѣка съ рыбой
въ ней—ничьи, по старинному представленію,
котораго не могутъ вытѣснить и такія убѣ-
дительныя доказательства противнаго, какъ
судъ и тюрьма и, какъ на лиманѣ, описан-

номъ у г. Серафимовича, даже стрѣльба по
рыбакамъ, забирающимся въ заповѣдныя
ловли. На фонѣ теплой лѣтней ночи на ли-
манѣ, картины которой живо переданы г.
Серафимовичемъ, особенно сильно выдѣля-
ются сцены погони за людьми и ненужнаго,
безсмысленнаго убойства...

Въ *Мирѣ Божіемъ* продолжаются „записки
врача“ г. Вересоева и „Сирота“ г. Альбова,
хроника жизни мелкаго петербургскаго чи-
новника. Объ этихъ произведеніяхъ мы уже
говорили въ прошлый разъ. Теперь от-
мѣтимъ любопытныя очерки г-жи Л. Нели-
довой: „Современная помѣщица Коробочка
и ея хозяйство“. Это непритязательныя
наброски жизни теперешней глухой деревни
съ ея оскуднѣемъ, коснувшимся равно и
барина, и мужика. Общій тонъ этого оску-
днѣнія схваченъ вполне вѣрно, и почти фо-
тографическія снимки съ природы, которыя
даетъ г-жа Нелидова, стоятъ претенціоз-
ныхъ романовъ въ родѣ хоть „Жестокихъ“
г. Боборыкина.

Изъ серіи мрачныхъ впечатлѣній, навѣян-
ныхъ на г-жу Нелидову деревенскою жизнью,
заслуживаетъ между прочимъ вниманіе черта
безсознательности народнаго быта, мѣтко ука-
занная г-жею Нелидовою. „Года проходили, все
къ счастью стремилось, все въ мірѣ по нѣсколь-
ку разъ измѣнилось“, а русскій крестья-
нинъ продолжаетъ сплошь и рядомъ жить
чуть ли не такъ же, какъ во время Юрия,
какъ трава растеть, покорный, какъ гово-
рилъ Г. Успенскій, „власти земли... Эта
безсознательная покорность стихійнымъ
вліяніямъ можетъ быть идеализирована
даже, пока крестьянинъ противопоставляется
природѣ. Но только зайдетъ рѣчь объ отно-
шеніяхъ людей другъ ко другу, эта безсо-
знательность, полное повиновеніе человѣка
первымъ импульсамъ сплошь и рядомъ ста-
новится источникомъ разныхъ бѣдъ, обруши-
вающихъ на того же мужика. Особенно
бросается это въ глаза во множествѣ кре-
стьянскихъ преступленій. Безхитростный раз-
сказъ крестьянина объ одномъ изъ такихъ
преступленій, совершенно безсознательномъ,
передаетъ г-жа Нелидова.

„...И пошли это, стало быть, они—мой то
Вася съ Кузьмой съ Репьевскимъ у помѣщика,
у Вершинина лѣсъ валить. Пришли, значить
каждый на свою полосу, а раньше то грѣшнымъ
дѣломъ въ Карлово зашли, выпили. Онъ—Васи-
лій то мой идетъ, на лѣвой рукѣ топоръ дер-
житъ. А Кузька то глянулъ, и что это ему такъ
померещилось, грѣху ли тутъ быть, не нашъ
ли (чортъ) попуталъ, а только самъ себѣ гово-
рить: вѣдь онъ меня—Василій то быдто—убьетъ!
Подошелъ къ Васѣ да топоромъ его и прикрылъ.
А онъ руками етакъ за голову схватился.

„Кузька! говорить, за что ты меня?“ Пришел на хворосток (хворосток тут этакій низенькій лежал) да руками за него и цапается. А Кузька-то опять (сказывалъ) думаетъ: встанетъ онъ — Василій — меня убьетъ. Да въ другой разъ его прикрылъ. Да, и въ другой разъ прикрылъ... После того пошелъ онъ домой въ Репьевское: я, говорить, человека убилъ... Вотъ ему и легкость за это, за его первое слово сдѣлали.... Да, вотъ и не бранились ничего, а велѣлъ Господь прикрыть и прикрылъ. Да, прикрылъ“...

— А ты видѣла его потомъ, бабушка?

— Кого? Кузьму-то? Спусти время видѣла. Встрѣтила я его. „Кузинька, говорю, что жъ это вамъ такъ рассудилось?“ — „Мой грѣхъ, говорить, бабушка. Мой грѣхъ“...

И такъ же какъ какъ безсознательно совершено было это преступленіе, съ такимъ же безсознательнымъ великодушіемъ оно и прощается, и какъ бы въ объясненіе факту приводится и еще рассказъ о такомъ же преступленіи:

— „Чужестранніе люди тоже сказывали: и шли этакимъ же манеромъ парни двое, и два родные брата. Косить стало быть шли. „У меня коса вострый.—Нѣтъ, у меня вострый“. Стали помахивать, стали помахивать—одинъ одного то и зарубилъ.

— „Ахъ-ахъ! Ужли-жъ на смерть?

— На смерть. Какъ сталъ меньшей братъ помирать, мать и кличетъ: „Мать, а мать! Ты на него (на брата стало быть) не сердай. Это мы любезнымъ дѣлсмъ“.

Простота и жизненность набросковъ г-жи Нелидовой особенно выгодно выдѣляется сравнительно съ такими вычурными вещами, какъ помѣщенные въ февральской книжкѣ *Мира Божьяго* рассказы В. В. Голубева: „Квартетъ“ и „Венеціанскія зеркала“. Сюжеты ихъ взяты изъ италіанской жизни и построены они дѣликомъ на эффектныхъ вѣтше красивыхъ положеніяхъ. Въ одномъ рассказѣ—последній представитель аристократическаго дома, проклинаемаго народомъ, бывший сподвижникъ Гарибальди, передъ смертью мечтаетъ о примиреніи народа съ памятью своего рода и завѣщаетъ всѣ свои богатства національнымъ музеямъ Италіи. Въ другомъ рассказѣ—молодой патрицій, заговорщикъ гибнетъ отъ руки подосланнаго убійцы, при чемъ передъ смертью видитъ въ великолѣпныхъ венеціанскихъ зеркалахъ какіе то черные призраки, исчезающіе какъ только онъ оглядывается, отраженіе слѣдищахъ за нимъ сыщиковъ. Эти жолодно выдуманная вещь, не смотря на внимательное повидимому изученіе авторомъ средневѣковой эпохи (для второго рассказа) не оставляютъ по себѣ сколько нибудь замѣтнаго впечатлѣнія.

Ничѣмъ не выдаются и два рассказа А. А. Виночкиной: „Зеленая накидка“ и „Под-

водный монастырь (Вистн. Европ. одномъ обличается и посрамляется какъ курсистка, не помогающая въ другомъ—какой то богатый про бросившій любившую его женщину черью и теперь терзающійся, что ка не знаетъ его и равнодушна мать презираетъ и ненавидитъ. Мгихъ чувствъ и приторно, приторно

Г. Боборыкинъ закончилъ въ книжкѣ В. Е. своихъ „Однокурсниковъ“, что, какъ и слѣдовало ожидать, сценироуни актрису, а женихъ ея снова впутывается въ студенческое. Бываютъ, конечно, и такіе случаи быть даже, авторъ и въ самомъ далъ дѣйствительный случай, но чего не бываетъ, и рассказанный рыкинымъ эпизодъ очень мало х для обрисовки „однокурсниковъ“, ства въ извѣстный, близкій въ родѣ.

Съ литературной стороны въ книжкѣ В. Европы наиболее инт ставляютъ не эти повѣсти, ни тѣ скучнѣйшее произведеніе г. Вал дороги“, а публичная лекція Соловьева о Лермонтовѣ, прочитан въ 1899 г., но только теперь по въ печати. Какъ литературный Владиміръ Соловьевъ особенно инт этическихъ идеалами и философск зрѣніемъ писателей. Эти статьи часто крайне парадоксальны, особен о Пушкинѣ, въ которой Соловьевъ валь, что Пушкинъ погибъ не Дантеса, а отъ духа злобы, кот могъ поборотъ въ себѣ. Много наго и въ статьѣ о Лермонтовѣ. Вывався на стихотвореніи „Сонъ“, доказываетъ, что Лермонтовъ ум отъ своего шотландскаго пред Лермонта, барда, таинственную прозорливства и видѣнія запред роны бытія. Точно также неож чать и фразы о томъ, что мы должны „снять съ души Лермонто щее на ней тяжкое бремя. Но менѣе, несмотря на эти странности интересъ представляетъ оригиналь женіе Лермонтова по настроенію на чемъ и построена вся статья.